

Novosti Dnya. 1904, September 25, p. 2.
Новости Дня. 1904, 25 сентября, с. 2.

Restoration of Glinka.

An event of great historical importance has taken place: "A Life for the Tsar" has been revived.

The Bolshoi Theatre has the right to be proud: in one evening it washed away a whole heap of musical sins that had accumulated on its soul.

And the reviewer, who is now being attacked in Russkaya Pravda by Mr. Sakhnovsky for his article of September 5th, was not mistaken.

That reviewer said: "It is very likely that Mr. Rachmaninoff will fulfill the important task entrusted to him magnificently."

The assumptions were justified, as written.

Ah, Mr. Sakhnovsky! Ah, young man, young man! You don't understand? Admit that you're pretending. It's impossible not to understand what's as clear as day.

The article touches upon a fundamental issue.

"There is no offense to Mr. Rachmaninoff whatsoever. There Mr. Rachmaninoff is given the epithet: 'a wonderful, subtle, exceptionally gifted musician.' The author is very happy for the Bolshoi Theater that such a great talent has appeared in the ranks of its musical figures."

The reviewer only stands up for the one who was treated cruelly and indelicately by the theatre management.

And he is happy that he acted this way and not otherwise.

There was no other way to do it.

He had to defend his conviction that the insult inflicted on Mr. Altani was unnecessary, pointless and strange.

He is still ready to repeat the same thing.

If the commission of experts assembled by the Bolshoi Theatre, having precisely formulated its opinions on changing tempos, notes, eliminating fermatas and cuts in A Life for the Tsar, had communicated them to the conductor who had conducted Glinka's opera for almost a quarter of a century, but not in the way the commission considered correct, then, of course, this conductor, this hunted Mr. Altani, would have fulfilled all these demands not badly, but perhaps very well. Because he is not a conductor of the last them: in his practice there are a number of excellently performed operas.

Digging through the past by chance, I recall how pleased the author of "The Snow Maiden" was with the Altani orchestra, and how the composer's widow admired the orchestral performance when Mr. Altani directed "The Enemy Force."

And these weighty magnitudes, these, each in its own way, most difficult scores of both the elegant, finely lacy Rimsky-Korsakov and the sweeping, rough, poetically indomitable Serov, are within the power of only a conductor with experience, technique, and extraordinary talent.

And Mr. Altani is like that.

And a system of insults is a lousy system.

And Mr. Sakhnovsky understands all this perfectly well. And if he doesn't understand, then, you know, read, in the end, clouded by the worship of Mr. Rachmaninoff, whom your humble servant wishes to supposedly belittle, to obscure for some reason.

Why? Why?

What nonsense!..

So it happened: "A Life for the Tsar" was revived; Mr. Rachmaninoff brilliantly lived up to expectations.

Let us honour the one whom fate has brought forward to the very top of the event, the one who immediately became noticeable there.

And now, let's throw away the axioms. We don't require such incontrovertible truth-proof that without talent, even if you work your whole life, you won't get anywhere...

I have not yet heard "Igor" under the direction of Mr. Rachmaninoff. But, as you may recall, I was present at his conducting debuts in "Rusalka" and "Onegin" and warmly welcomed both debuts.

One must wonder how a young conductor, who until now had practiced mainly in conducting his own orchestral works, and who, so many years ago, had rather timidly appeared at the Private Opera when interpreting other people's scores, could so authoritatively control the orchestra of the Bolshoi Theatre, subordinate this enormous and rather, I would say, self-willed army to his artistic aspirations and demands.

He does with it what he wants, as a leader of great experience, as a real technician in the art of commanding.

The first, most obvious concern of a new conductor is to develop pianissimo in the orchestra. This is one of the difficulties of conducting. It has been achieved, and Mr. Rachmaninoff flaunts it everywhere—with Dargomyzhsky, Tchaikovsky, and Glinka.

This resulted in graceful, delicious effects, so necessary in Glinka's music, where grace, and not heart-rending drama, is in the foreground.

This resulted in glorious contrasts; all manifestations of sound power, all calculations for exceptional solemnity in combinations that united the theatre orchestra with the military one, stood out against the delicate background like bright, rich spots.

Mr. Rachmaninov, in accordance with the instructions of the "commission," tried to come as close as possible to Glinka, to delve as deeply as possible into the very essence of inspiration. And "A Life for the Tsar" is almost uncut; "A Life for the Tsar" - without effects à l'Italian, without cheap fermatas, in strict adherence to the instructions found in the orchestral score of the opera.

Hearing in such a performance that beautiful thing that had been traditionally overlooked for years filled my soul with joy. And I absolutely do not understand the rumour that has penetrated the newspapers that at the next performances "A Life for the Tsar", just restored to its full rights, will again appear in a truncated form. I cannot and do not want to believe such rumours. And if they lack even a modicum of credibility, then what was the point of all this fuss?..

But it is also gratifying that the opera was given only in a quantitative, but also in a qualitative sense, just as Glinka wrote it.

Almost all of my colleagues in music criticism in Moscow have stated this.

This is where I would like to stop, however. I would like to trace the extent to which the composer's wishes were respected, to establish the extent to which these wishes were successfully followed.

Without a doubt, the less freedom the author has in his interpretations, the better and safer it is. This is the starting point. After all, everything can be interpreted in one's own way—and, who says, the subjectivity of a talented, especially brilliant, rendering can be very interesting and often... But here it's even advantageous to the author. Risk cuts both ways. Better to stay close to the author. Then there's less chance of a mistake, and greater confidence that you won't get bogged down in error or distortion.

But, gentlemen, the author cannot quite accurately express and record every desire in the notes, in the remarks of his score.

How to act in such cases?

But, for example, Mr. Rachmaninoff's reception at the end of the overture has greatly improved. In the ominous "coda," the vengeful moves of the Polish basses are taken by the

singer in slow motion, along with the crescendo and the transition of the theme higher and higher.

The result is a breathtaking, very appropriate rise of tragic expressiveness, which is by no means indicated in the printed score now lying before me, verified against the original author's manuscript.

It means that Mr. Rachmaninoff has not performed everything according to Glinka.

And then. I return to Rachmaninoff's pianissimo. In Glinka, the women's entry into the choir is performed pianissimo, despite the fact that there is no secret there, but joyfully lively, spring-like feelings. This is because the peasant women sing at first "offstage." Rachmaninoff arranged the pianissimo perfectly, but also for singing "on stage," which does not tie in with the text, as per Glinka's remark.

It means that Mr. Rachmaninoff has not performed everything according to Glinka's works...

But still, it was very, very good, and the evening turned out to be unforgettable in many ways, carefully prepared in all respects.

This is where they took care of both the eyes and the ears of the public.

Costumes, accessories, and decorations were thought out with scientific meticulousness and artistically executed.

The flaws are trivial and insignificant. The foreground of the village landscape and the walls in the hut's setting are too conventional in their unnatural enormity. But everything else—what beauty and truth!

The artists, Messrs. Korovin, Klodt and his comrades, distinguished themselves.

And how much novelty there is in the Polish ball.

With the restored music of the previously omitted dances, the finale, with realistically staged picturesque groups of dancing couples, among the luxury of a wonderful hall, among the carefree and cheerfully feasting elegant guests, it will amaze and stun with its magnificence. If only the heels and cords would click less in the nests, where it is quiet for the orchestra. There was little room left for the soloists.

But what can I say about them? They were selected from the best members of the troupe, and they, under the new, very successful directorial plan of Mr. Vasilevsky, acted splendidly.

And here there is beauty and truth!

Not to mention the scenes featuring the kind of Susanin Mr. Shalyapin will give. With each new performance, Ms. Zbrueva, who is improving more and more, is an excellent Vanya. One is delighted simply by the sound, the vocal performance, both musical and natural, warm, and lively on stage, a duet between both artists. Ms. Nezhdanova is a warm Anthonina. Mr. Rozanov very conscientiously and effectively leads the part of Sabinin: he does everything he can.

In short, it is an ensemble capable of charming and touching, giving a mass of soul-elevating delights.

An event of great historical importance has taken place...

Semyon Kruglikov.

[Translation: Google]

Реставрация Глинки.

Свершилось событие великой, исторической важности: возобновили «Жизнь за Царя». Большой театр имѣетъ право гордиться: онъ однимъ вечеромъ смылъ цѣ-лую уйму накопившихся на его душѣ музыкальныхъ прегрѣшеній.

А И не ошибся рецензентъ, на котораго за статью отъ 5-го сентября нападаетъ теперь въ «Русской Правдѣ» г. Сахновскій.

Тотъ рецензентъ говорилъ: «Очень вѣ-роятно, что г. Рахманиновъ великолѣпно выполнить возложенную на него отвѣтственную задачу».

Предположения оправдались, какъ пописанному.

Ахъ, г. Сахновскій! Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! Вы не поня-ли?

Сознайтесь, что притворяетесь. Нельзя не понять того, что ясно, какъ день.

Въ статьѣ затронуть вопросъ принципіальный.

Обиды г. Рахманинову такъ нѣтъ пи-какой. Тамъ г. Рахманинову приданъ эпитетъ - «прекрасный, тонкій, исключи-тельно одаренный музыкантъ». Тамъ авторъ очень радъ за Большой театръ, что въ, рядахъ его музыкальныхъ дѣяте-лей появился такой крупный талантъ».

Рецензентъ только заступаетъ за того, съ кѣмъ театральная дирекція обошлась жестоко, неделикатно.

И опъ счастливъ, что поступилъ такъ, а не иначе.

Иначе нельзя было поступить.

Онъ долженъ былъ ступенить свое убѣждение, что - ненужно, безцѣльно и странно обиде, нанесенное г-ну Альтани.

Онъ и теперь готовъ твердить тоже самое.

Если-бы собранная Большимъ театромъ комиссія знатоковъ, выработавъ точно свои сужденія объ измѣненіи темповъ, отгѣнковъ, уничтоженіи ферматъ и купюръ въ «Жизни за Царя», сообщила ихъ дирижеру, ведшему оперу Глинки чуть не четверть вѣка, но не такъ, какъ комиссія находить вѣрнымъ, —то, конечно, этотъ дирижеръ, этотъ затравленный г. Альтани, всѣ бы эти требованія выполнилъ не худо, а, можетъ-быть, и очень хорошо. Потому-что онъ дирижеръ не изъ послѣднихъ: въ его практикѣ насчитывается рядъ прекрасно проведенныхъ оперъ.

На удачу роясь въ прошломъ, припо-минаю, какъ доволенъ былъ авторъ «Снѣгурочки» альтаниевскимъ оркестромъ, — какъ любовалась оркестровымъ исполненіемъ вдова композитора, когда г. Альтани управлялъ «Вражьей силой».

А эти весоразиѣримыя величины, эти, каждая по своему, труднѣйшія партитуры и изящнаго, тонко-кружевного Римскаго-Корсакова, и размашиисто-грубаго, стихійно-неукротивнаго Серова, - подъ-силу только дирижеру съ опытомъ, техникой, педюжиннымъ талантомъ.

И г. Альтани-таковъ.

И системы оскорблений — скверная система.

И все это г. Сахновскій отлично понимаетъ. А, если не понимаетъ, то, значить, въ конецъ отуманенъ поклоненіемъ г. Рахманинову, котораго вашъ покорвѣйшій слуга желаетъ яко-бы принизить, для чего-то затушевать.

Зачѣмъ? Почему?

Что за нелѣдность!..

Итакъ свершилось: «Жизнь за Царя» возобновлена; г. Рахманиновъ блестяще оправдалъ ожиданія.

Будемъ-же чествовать того, кого судьба выдвинула впередъ на самую вершину событія, — того, кто тамъ сразу замѣтенъ. сталъ

А уже, аксіомы бросимъ. Не требуютъ исти-доказательства такія непреложныя ны, что безъ таланта, маши хоть всю жизнь, - ви до чего не домашешься...

Я еще не слыхалъ «Игоря» подъ управленіемъ г. Рахманинова. Но, какъ вызываете и поинито, присутствовалъ на его дирижерскихъ дебютахъ въ «Рузалкѣ» и «Онѣгинѣ» и оба дебюта отъ души привѣтствовалъ.

Надо по-истия удивляться, какъ мо-лодой дирижеръ, упражнявшійся до сихъ поръ, главнымъ образомъ, на управленіи собственными оркестровыми сочиненіями в довольно-таки робко выступавшій, сколько лѣтъ тому назадъ, въ Част-ной оперѣ при

толковані чужих партитуръ, — могъ такъ авторитетно обладѣть оркестровъ Большого театра, подчинить эту громадную и довольно, ска-жель пососѣсти, своевольную армію своимъ художественнымъ стремлєніямъ в требованіямъ.

Опъ дѣлаетъ изъ нея, что хочетъ, какъ вождь большого опыта, какъ настоящій техникъ въ искусствѣ повелѣвать.

Первая, бросающаяся въ глаза забота поваго дирижера-выработать въ оркестрѣ *pianissimo*. Это — одна изъ трудностей дирижерства. Она достигнута, и ею г. Рахманиновъ щеголяетъ всюду-и у Даргомыжскаго, и у Чайковскаго, и у Глинки.

Получились оттого изящные, вкусные эффекты, такъ необходимые въ глипкинской музыкѣ, гдѣ именно изящество, а не раз-дирательная драма, — на первомъ планѣ. Получились оттого славные контрасты; яркими, сочными пятнами выдѣлились на нѣжномъ фонѣ всѣ проявленія звуковой мощи, всѣ расчеты на исключительную торжественность въ комбинаціяхъ, соеди-вившихъ театральнй оркестръ съ военнымъ.

Г. Рахманиновъ, согласно указаніямъ «комиссіи», старался елико - возможно ближе подойти къ Глинкѣ, елико-воз-можно глубже уйти въ самую суть вдохновеній. И «Жизнь за Царя» — почти безъ купюръ; «Жизнь за Царя» - безъ эффектовъ *à l'italienne*, безъ дешевыхъ ферматъ, въ точномъ соблюденіи указаній, какія паходимъ въ оркестровой партитурѣ оперы.

Услышать въ такомъ исполненіи то прекрасное, что въ пей годами принято было пропускать, наполнило душу отрадой. И я -совершенно не понимаю слухъ, проникшій въ газетныя за-мѣтки, что будто на слѣдующихъ представленіяхъ «Жизнь за Царя», толь-ко что въ своихъ полныхъ правахъ возстановленная, снова явится въ урѣзанномъ видѣ. Не могу и не хочу вѣрить такимъ слухамъ. А если они ниѣютъ хотя-бы долю вѣроятія, — то къ чему было весь огородъ городить?..

не Но отрадн и то, что дана опера только в множественномъ, но и в качественномъ смысле, такъ, какъ се напи-салъ Глинка.

Это заявили всѣ почти мои коллеги по музыкальной критикѣ въ Москвѣ.

Тутъ-то мнѣ, однако, и хочется оста-новиться. Желательно прослѣдить, въ ка-кой мѣрѣ желанія композитора оказались уваженными, устаповить, въ какой мѣрѣ, этимъ желаніямъ удалось слѣдовать.

Безъ сомнѣнія, чѣмъ меньше свободы въ толкованіяхъ автора, тѣмъ лучше и безопаснѣе. Изъ такого положенія надо исходить. Вѣдь все можно истолковать по-своему, —и, кто говоритъ, субъективность талантливой, тѣмъ болѣе, гениальной передачи бываетъ очень интересна и часто Но тутъ уже даже выгодна автору. рискъ палка 0 двухъ кон-цахъ. Лучше стоять ближе къ автору. Меньше тогда возможенъ промахъ, больше будетъ увѣренности, что не завязцешъ въ ошибкѣ, искаженіи.

Но, господа, не всякое свое желание авторъ можетъ вполнѣ точно отиѣтить и выразить въ нотахъ, въ ремаркахъ своей партитуры

Какъ поступать въ такихъ случаяхъ?

Маъ, напрпиръ, чрезвычайно поправился пріємъ г. Рахманинова въ концѣ увертюры. Въ зловѣщей «кодѣ» мстительные ходы польскихъ басовъ беретъ опъ въ за-медленіи, наравивъ съ *crescendo* и пе-реходомъ темы все выше и выше, устраиваетъ ускореніе. Получается духъ захва-тывающій, очень умѣстный подъемъ тра-гической выразительности, отнюдь однако не указанный въ лежащей теперь передо мною печатной партигурѣ, провѣренной по подлинной авторской рукописи.

Не все уже, значить, г. Рахманиновъ исполнилъ у Глинки по Глинкѣ.

Возвращаюсь къ рахманиновскимъ *pianissimi*. У Глинки вступленіе женщинъ въ хорѣ интродукція помѣчепо *pianissimo*, несмотря на то, что тамъ секрета нѣтъ, а играютъ радостно-живыя, весеннія чувства. Это потому, что крестьянки поютъ сначала «за сце

н о й ». Г. Рахманиновъ pianissimo устроилъ отличное, но для пѣнія «на сценѣ», что съ текстомъ не вяжется съ глипкинской ремаркой, тоже.

Не все уже, значить, г. Рахманиновъ исполнилъ у Глинки по Глинкѣ...

Но все-таки это было очень, очень хорошо, -и вечеръ получился незабываемый по многому, тщательно. подготовленный во всѣхъ отношеніяхъ.

Вот, гдѣ позаботились, какъ о глазахъ, такъ и объ ушахъ, публикации.

Костюмы, аксессуары, декорація съ на-учной кропотливостью обдуманы, художественно выполнены.

Недочеты-вздорные, ничтожные. Передніе планы деревенскаго ландшафта, стѣны въ декораціи избы очень уже условны своею неестественной громадностью. Но зато все остальное, — какая красота д правда!

Художники, гг. Коровинъ, Клодтъ съ товарищами, отличились.

И сколько новизны въ польскомъ бал.

Онъ съ возстановленной музыкой про-пускавшихся прежде танцевъ, финала, съ реально поставленными живописными группами танцующихъ паръ, среди роскош - чудеснаго зала, среди беззаботно и весело пирующихъ нарядныхъ гостей, поражаетъ и ошеломляетъ великолѣніемъ.

Только-бы поменьше стучали каблукъ и шноры въ нѣстахъ, гдѣ у оркестра тихо.

Мнѣ кало иѣста осталось для исполнителей-солистовъ.

Но что о нихъ сказать? Ихъ набрали изъ лучшихъ сплъ труппы, и опи, въ по-вой, весьма удачной режиссерской плани-ровкѣ г. Василевскаго, дѣйствовали на славу.

И здѣсь-красота и правда!

Не говорю уже о сценахъ съ участіемъ такого Сусанина, какого панъ дастъ г. Шаллянинъ. Съ каждымъ новымъ спектаклетъ все болѣе в болѣе совершенствующаяся г-жа Збруева-отличный Ваня. Восхити только по звуку, по выполнению вокаль пому и музыкальному, ссественно, тепло, живо по сценѣ, пдетъ у обоихъ артистовъ дуэтъ. Рѣдкая Антопина-г-жа Нежданова. Очень добросовѣстно и иѣстами эффектно водетъ партію Сабинина г. Розаповъ: ді-лаетъ все, что можетъ.

Словомъ, — ансамбль, способный ухиять и трогать, дающій массу возвышающихъ душу наслаждапій

Свершилось событие великой, историче ской важности...

Семень Кругликовъ.